

На правах рукописи

Михайлов Алексей Викторович

**КОНЦЕПТ «КОНТАКТ» И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СТРУКТУРУ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Воронеж – 2015

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО
«Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Казарина Валентина Ивановна

Официальные оппоненты: **Попова Елена Александровна**
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой русского языка
ФГБОУ ВПО «Липецкий государственный
педагогический университет»

Тарасенко Елена Валентиновна
кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка, культуры и
коррекции речи Таганрогского института
им. А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВПО
РГЭУ (РИНХ)

Ведущая организация: ФГАОУ ВПО «Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет» (НИУ
«БелГУ»)

Защита диссертации состоится «2» апреля 2015 г. в 13 часов 30 минут на заседании диссертационного совета Д 212.038.07 в ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет» по адресу: г. Воронеж, пл. Ленина, 10, аудитория 85.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной библиотеке ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет» и на сайте <http://www.science.vsu.ru> (вкладки Наука – Защита диссертаций).

Автореферат разослан «___» _____ 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Голицына Татьяна Николаевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Антропоцентрическая парадигма исследования, свойственная современной лингвистике, достижения в области когнитивной лингвистики предопределили интерес исследователей к концепту как маркёру кванта структурированного знания, способам его вербализации языковыми знаками, в числе которых структурная схема простого предложения, выявлению признаков концепта и их влиянию на структурно-семантическую организацию предложения. Современную парадигму исследования часто именуют когнитивной, в которой фокус интересов исследователя перенесён с объектов познания на субъект, что позволяет рассмотреть человека в языке и языка в человеке.

Онтологический ракурс данной проблемы свидетельствует о том, что человек обладает способностью к накоплению, анализу, структурированию получаемой им информации, которая, интегрируя опыт многих поколений, представляет все знания данного народа о мире, фиксируемые посредством языка. Всю познавательную деятельность человека можно подвергнуть анализу через понятие сознания, то есть знания о внешнем и внутреннем мире, о самом себе. Для понимания того или иного объекта его необходимо включить в систему собственных знаний и определённым образом классифицировать, при этом язык выступает в качестве инструмента познания. Именно для обеспечения операций мыслительной деятельности по обнаружению признаков различных предметов, определяющихся знаниями человека о мире, в рамках когнитивной лингвистики возникает такая мыслительная категория как концепт. Кроме того, к концу 20 века многие лингвисты воспринимали носителя языка как носителя определённых концептуальных систем [Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. – Минск, 2005. – С. 30; Павилёнис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. – М., 1983. – С. 248].

Соотнесение языка и действительности, исполняемое концептуальной системой, представляет собой «кодирование средствами языка через конструирование средств отображения информации» [см. об этом: Большой психологический словарь; под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко – Спб., 2005. – С. 227] определённых фрагментов концептуальной системы, то есть системы концептов, представлений человека о мире.

При упорядочивании таких систем естественному языку отводится главенствующее место. Особую значимость в этом смысле приобретают исследования, связанные с рассмотрением познавательной и мыслительной деятельности человека, всей его «сознательной духовной жизни» [Философский энциклопедический словарь / Редакторы-составители Е.Ф. Губский, Г.В. Корablёва, В.А. Лутченко. – М., 2004. – С. 72]. Концепт и предполагает обращение к мышлению, к памяти, к миру, опосредованному языковым сознанием. В этом отношении к ограничениям, возникающим при восприятии, присоединяются ограничения, определённые закономерностями языка [Ружин И.Г. Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // Вопросы языко-

знания. – 1994. – № 6. – С. 79]. По мысли А.А. Потебни, «в сознании не существует того, чего не было бы раньше воспринято посредством собственных ощущений» [Потебня А.А. Мысль и язык. – М., 2007. – С. 49], поэтому важной проблемой является постижение процессов осязательного (тактильного) восприятия окружающего мира.

Актуальность данного диссертационного исследования обусловлена тем, что оно выполнено в соответствии с антропоцентрической парадигмой, неразрывно связанной с когнитивной парадигмой современных лингвистических исследований, объектом её исследования – концептом и его синтаксическим маркером – структурными схемами простого предложения, формирующими ядро синтаксической системы языка, и их речевой реализацией, не нашедшими ещё полного освещения в научной литературе.

«Контакт» – концепт общенациональный. Его доминирующий лексический маркер – глаголы физического контакта. В отечественном языкознании этому лексико-семантическому классу уделялось достаточное внимание: к ним подходят или как к глаголам восприятия (Кретов А.А., Моисеева С.А.), или глаголам физического воздействия (Анищева О.Н., Бабенко Л.Г., Гайсина Р.М., Гольдберг В.Б., Гиро-Вебер М., Копров В.Ю., Лебедева А.Л.). Однако структурообразующая значимость этих глаголов, определяемая концептуальными признаками контакта, предметом специального исследования не была, что говорит об **актуальности** избранной темы научного исследования.

Объектом исследования являются простые предложения со значением «воздействие агенса на объект при физическом контакте», извлечённые из текстов художественных произведений авторов русской классической литературы XIX–XX веков: А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.А. Гончарова, Ф.М. Достоевского, М. Горького, В.Г. Короленко, Н.С. Лескова, А.К. Толстого, А.Н. Толстого, А.П. Чехова, Е.И. Замятина, С. Есенина, А.П. Платонова, М.М. Пришвина общим объёмом 562 п. л.. Общий объём проанализированного фактического материала, полученного методом сплошной выборки, составляет 4853 высказывания.

Предмет исследования составляют структурный и семантический аспекты простых предложений, маркирующих внеязыковые ситуации физического контакта, и ситуации, в которых физический контакт является предпосылкой основного действия.

Цель диссертационного исследования – выявить влияние специфических признаков концепта «Контакт» на структурно-семантическую организацию русского предложения.

Для достижения поставленной цели в диссертационном исследовании ставятся и решаются следующие **задачи**:

1) выявить базовые и небазовые признаки гносеологического по своей природе концепта «Контакт», определяемые онтологической природой представленного во внеязыковой ситуации соотносительного действия и оказывающие влияние на формирование высказываний;

2) вычленив структурные схемы простого предложения, применяемые для объективации концепта «Контакт»;

3) дифференцировать данные схемы с учётом плана содержания и плана выражения;

4) проследить особенности употребления синтаксических средств в зависимости от сочетаемостных способностей и семантики предикатива.

Научная новизна диссертационного исследования заключается

1) в выявлении когнитивных признаков, определяющих типовую пропозицию физического контакта, её компонентный состав и маркирование типовой пропозиции специализированными и неспециализированными структурными схемами простого предложения;

2) в выделении доминантной структурной схемы (основной разновидности), её вариантов и вариаций;

3) в дифференцировании предикативов на лексико-семантические группы в зависимости от объёма и места семы 'контакт' в их содержательной структуре.

Теоретическая значимость данного исследования состоит в выявлении и описании концепта «Контакт», в выделении специальных синтаксических знаков, его объективирующих – структурных схем простого предложения, представляющих типовую пропозицию физического контакта. Впервые в научный оборот введён термин «вариация структурной схемы простого предложения» и в новом понимании термин «вариант структурной схемы простого предложения».

Практическая значимость работы заключается в возможности использования материалов и результатов исследования в ходе преподавания курсов общего языкознания, когнитивной лингвистики, современного русского литературного языка, при организации спецкурсов по функциональной грамматике русского языка. Языковой материал исследования и его дифференциация, представленные в работе, могут быть полезны при составлении различных словарей русского языка, в описании синтаксической системы русского языка и русской языковой картины мира. Результаты, полученные в ходе исследования, могут применяться при обучении русскому языку как иностранному, в руководстве научно-исследовательской работой студентов и аспирантов филологического факультета.

Теоретическую базу исследования составили: 1) идеи А.П. Бабушкина, Г.И. Берестнёва, Н.Н. Болдырева, М.М. Булыниной, С.Г. Воркачёва, В.И. Карасика, Е.С. Кубряковой, В.А. Масловой, З.Д. Поповой, Г.Г. Слышкина, Ю.С. Степанова, И.А. Стернина и др. о сущности, структуре, содержании, признаках концепта и способах его репрезентации в языке; 2) работы В.Г. Адмони, Н.Н. Арват, Н.Д. Арутюновой, В.А. Белошапковой, М.В. Всеволодовой, Г.А. Золотовой, В.И. Казариной, В.Ю. Копрова, Т.П. Ломтева, З.Д. Поповой, И.П. Распопова, С.Н. Цейтлин, Н.Ю. Шведовой и др. по изучению структурной и семантической организации простого предложения.

Характер изучаемого материала обусловил выбор следующих **методов и приёмов** исследования: описательно-аналитического метода, в рамках которого использовались приёмы наблюдения, обобщения, интерпретации и классификации; системно-структурного метода, методов компонентного и концептуального анализа с приёмом когнитивной интерпретации; функционального метода; количественного анализа и статистической обработки полученных данных.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Представление об окружающем пространстве и свойственных ему характеристиках носителей языка, внеязыковая ситуация физического (тактильного, осязательного) контакта одного лица или предмета в широком смысле с другим лицом или предметом, онтологическая природа данного действия определяют такие базовые признаки соотносительного концепта, как 'агентивность', 'контролируемость', 'динамичность', 'целенаправленность', 'направленность на объект', 'орудийность', маркируемые структурными схемами активного динамического действия.

2. Небазовые признаки 'адресованность', 'интенсивность', 'способ действия', 'темпоральность', 'каузативность', 'локализованность', 'условие', 'необходимость', 'возможность', 'оптативность', 'результативность', 'направленность действия на грамматический субъект' представлены в позиционных схемах высказываний конструкциями, обогащающими пропозицию высказывания дополнительными компонентами, оказывающими влияние на функционирование структурных схем в речи.

3. Концепт «Контакт» в русской языковой картине мира репрезентирован восемнадцатью структурными схемами простого предложения. Специализированными для концепта «Контакт» являются схемы:

1) *«кто/что трогает кого/что чем»* и её вариант *«кто/что совершает касание, задев за кого/что чем»*;

2) *«кто/что касается кого/чего чем»* и её варианты: а) *«кто/что касается за кого/что чем»*; б) *«кто/что совершает касание во что чем»*; в) *«кто/что касается до кого/чего чем»*; г) *кто/что прикасается к кому/чему чем»*; д) *«кто/что совершает касание обо что чем»*; е) *«кто совершает касание, охватившись вокруг чего чем»*; ж) *«кто совершает касание, охватившись около чего чем»*.

Другие схемы, в означаемом которых присутствует сема контакта, являются специализированными маркёрами других концептов, соотносящихся с концептом «Контакт»:

3) *«кто/что бьёт кого/что чем»* и её варианты: а) *«кто/что бьёт в кого/что чем»*; б) *«кто/что бьёт по кому/чему чем»*; в) *«кто/что бьёт об кого/что чем»*;

4) *«кто/что бьётся об кого/что чем»* и её варианты: а) *«кто/что бьётся в кого/что чем»*; б) *«кто/что бьётся по кому/чему чем»*;

5) *«кто ведёт по чему чем»* и её варианты: а) *«кто ведёт обо что чем»*; б) *«кто выделяет что чем посредством контакта»*;

- б) «кто/что царапает кого/что чем» и её варианты: а) «кто царапает по чему чем»; б) «кто царапает в чём чем»;
- 7) схема «кто царапается чем»;
- 8) «кто/что давит кого/что чем» и её варианты: а) «кто/что давит на кого/что чем»; б) «кто/что давит в кого/что чем»;
- 9) «кто/что прижимается к кому/чему чем» и её варианты: а) «кто оказывает давление во что чем»; б) «кто оказывает давление обо что чем»; в) «кто оказывает давление на что чем»;
- 10) «кто/что двигает кого/что чем» и её варианты: а) «кто двигает за что чем»; б) «кто двигает чем»;
- 11) «кто разделяет кого/что чем»;
- 12) «кто очищает кого/что чем»;
- 13) «кто очищается чем»;
- 14) «кто погружает что во что»;
- 15) «кто/что обдаёт что чем»;
- 16) «кто соединяет что с чем» и её вариант «кто присоединяет что к чему чем»;
- 17) «кто влипает во что»;
- 18) «кто/что в каком состоянии как следствие физического воздействия».

4. В русской языковой картине мира концепт «Контакт» как разновидность концепта «Действие» взаимодействует с концептами: «Враждебное действие», «Давление», «Нанесение удара», «Очищение», «Перемещение», «Покрытие», «Физическое состояние».

Апробация основных положений и результатов диссертационного исследования осуществлялась на конференциях различного уровня: Всероссийской научной конференции, посвящённой 80-летию со дня рождения профессора А.Н. Тихонова (Елец, 17 ноября 2011 г.), Международной заочной научной конференции (Старый Оскол, ноябрь 2011 г.): Русское слово в контексте этнокультуры XX-XXI вв., Международной заочной научно-практической конференции (Москва, 28 февраля 2013 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Жизнь языка. Жизнь в языке», посвящённой юбилею В.В. Щедулина (Липецк, 13–14 марта 2013 г.), X Международной научной конференции, посвящённой 60-летию кафедры русского языка ВлГУ: «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект» (Владимир, сентябрь 2013 г.), на ежегодных научно-практических конференциях преподавателей, докторантов и аспирантов филологического факультета ЕГУ им. И.А. Бунина (Елец, 2011 – 2013 гг.). Отдельные положения работы обсуждались на заседаниях и аспирантских семинарах кафедры современного русского языка и методики его преподавания ЕГУ им. И.А. Бунина.

Основные положения диссертации отражены в тринадцати публикациях, три из них представлены в изданиях, рекомендованных ВАК РФ («ФИЛОЛОГОС» (выпуск 17 (2), 2013), «Филологические науки» (№ 7, 2013; № 1, 2014)).

Структура работы определяется целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников исследования, списка использованной литературы и приложения, включающего семнадцать таблиц, представляющих списочный состав предикативов, формирующих структурные схемы, их значение, подтверждающий его пример и частотность их функционирования в текстах художественной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** аргументируются актуальность и научная новизна темы диссертационного сочинения, формулируется цель данной работы и ставится ряд сопутствующих ей основных задач, её объект и предмет, названы источники фактического материала, уточняется методология диссертации, раскрываются теоретическая и практическая значимости полученных результатов, формулируются основные положения, выносимые на защиту, приводятся данные апробации.

В первой главе **«Концепт как основополагающее понятие синтаксических исследований современной лингвистики»** исследуются основные проблемы когнитивной лингвистики в отечественном языкознании второй половины XX – начала XXI века, связанные с возросшим вниманием к изучению разнообразных аспектов познавательной деятельности человека, анализируются различные направления исследования концепта как центрального термина когнитивной лингвистики и типология концептов представителями этих направлений, рассматривается вопрос о синтаксической репрезентации концептов посредством структурных схем простого предложения – маркёров концепта. Представлены история возникновения и развития понятия, подводимого под термин «структурная схема простого предложения», в отечественной лингвистике и наше понимание этого вопроса, освящён вопрос о функционировании структурных схем простого предложения в речи.

В настоящее время лингвистическая наука характеризуется устойчивым интересом к такой области исследований как когнитивная лингвистика, возросшим вниманием к изучению разнообразных аспектов познавательной деятельности человека. Когнитология стала восприниматься как самостоятельная научная дисциплина.

Являясь одной из составляющих когнитивной науки, когнитивная лингвистика включает в сферу своего внимания различные вопросы функционирования языка, при этом язык рассматривается в качестве инструмента познания, под которым понимается обобщённое наименование определённых процессов, принимающих участие в накоплении, сохранении, анализе, извлечении и использовании различной сенсорной информации. Итак, когнитивная лингвистика, продуктивно развиваясь в рамках отечественного языкознания, рассматривает ряд вопросов исследования языковых явлений, имеющих дискуссионный характер.

Современную парадигму изучения языка называют когнитивной. В настоящее время наиболее антропоцентрически ориентированной является когнитивная лингвистика. Она включает в сферу своего внимания самые различные вопросы функционирования языка, рассматриваемого в качестве инструмента познания. Её цель состоит в том, чтобы установить, как знания зафиксированы в сознании, как они приобретаются и используются и как связаны с другими компонентами когниции.

В рамках когнитивной лингвистики проводится мысль о том, что информация о мире существует в наиболее адекватной для человеческого сознания форме – в виде концептов.

Впервые термин «концепт» в отечественной лингвистике появился в работах С.А. Аскольдова, который он интерпретировал как «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. – М., 1997. – С. 269].

В научной литературе определения термина «концепт» отличаются в зависимости от подхода, в рамках которого он исследуется (культурологическое, лингвокультурологическое, логическое, лингвокогнитивное (семантикокогнитивное), философско-семиотическое), однако общепризнанным в дефинициях концепта является понимание его как явления ментального, поскольку «человек мыслит концептами» [Булынина М.М. Глагольная каузация динамики синтаксического концепта (на материале русской и английской лексикограмматической групп глаголов перемещения объекта). – Воронеж, 2004. – С. 6]. В определении Е.С. Кубряковой, концепт служит «объяснению единиц ментальных и психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека», он является «оперативной содержательной единицей памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга [lingua mentalis], всей картины мира, отраженной в человеческой психике; квантом знания» [Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М., 1996. – С. 90].

Как известно, язык характеризуется тем, что имеет всегда два плана: означающее и означаемое, в этом отношении концепт – оперативная структурированная единица сознания, образование, обладающее определённой внутренней структурой, подчинённой ряду исходных принципов. Выделяются ядро и периферия, относящиеся к плану содержания концепта, и его план выражения, репрезентированный «в своих вариативных формах, зачастую зависящих от плана содержания концепта, от коммуникативных возможностей и потребностей человека» [Межибо Т.Г. План выражения концепта: способы языковой репрезентации // Вестник ТГУ. – 2008. – № 2. – С. 203].

Концепт может быть репрезентирован различными языковыми средствами: лексическими, фразеологическими и синтаксическими. Синтаксическими средствами объективации концепта признаны структурные схемы простого предложения, словосочетания, маркирующие свернутую пропозицию и

текст. Структурные схемы простого предложения, отражающие «в концептосфере человека связи и отношения явлений и объектов реальной действительности, “условно (для краткости)”» были названы «синтаксическими концептами» [Попова 2009: 29, см. также: Волохина 1999: 7, Булынина 2012: 68, Федоров 2013: 7; Федоров 2014: 294, Тарасенко 2014: 290 и др].

Внимание к структуре синтаксических единиц в 60-е годы прошлого века привело к появлению ряда направлений в научной литературе: конструктивный синтаксис, структурный синтаксис, статичный синтаксис, пассивный синтаксис и т.п., специфика которых заключается в том, что при исследовании синтаксических единиц выделяются схемы высказываний, что можно считать особенностью обозреваемого периода.

Активная разработка понятия «структурная схема» в отечественном синтаксисе началась после появления статьи чешского лингвиста В. Матезиуса. Рассуждая о роли предложения и задаваясь вопросом о том, какую единицу представляет предложение, он говорит о том, что оно (предложение) не рассматривается как продукт преходящего момента высказывания и как лингвистический факт не может целиком определяться какой-либо ситуацией произнесения, поэтому предложение трактуется им как «абстрактная модель, реализующаяся в речи как конкретное высказывание» [Матезиус В. О системном грамматическом анализе // Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс, 1967. – С. 237], что, бесспорно, подчёркивает двусторонний характер предложения.

Понятие структурной схемы (в исследованиях Н.Ю. Шведовой; модель – у Г.А. Золотовой; формула предложения – у Т.П. Ломтева), получившее распространение в 60-е годы, в отечественном синтаксисе разрабатывалось в нескольких вариантах.

В рамках формально-грамматического направления отечественной лингвистики в 60 – 80-х гг. XX века проходила разработка понятия «структурная схема простого предложения», связанная с именем Н.Ю. Шведовой и основанной ею школой. Под структурной схемой предложения понимается «абстрактный синтаксический образец минимального построения, компонентами которого являются подлежащее и сказуемое, между которыми устанавливаются предикативные отношения. При наполнении лексическим материалом он предназначен стать сообщением о какой-либо действительности» [Грамматика современного русского языка. – М., 1970. – С. 541]. Таким образом, подобное понимание структурной схемы как предикативного минимума сосредоточено только на формальной организации предложения, поскольку словоформы, распространяющие схему, в её состав не включаются, номинативная же функция предложения при этом игнорируется.

В.А. Белошапкина в своих работах, развивая подход Н.Ю. Шведовой к структурной схеме, трактовала её как «отвлечённый образец, включающий необходимый для создания предложения минимум компонентов» [Белошапкина В.А. Современный русский язык. Синтаксис. – М., 1977. – С. 101]. Однако она предлагает при анализе предложений пользоваться минимальными схемами

как абстрактными моделями, которые составляют предикативный минимум (с формальной точки зрения) и расширенными схемами, ориентированными на минимум компонентов, создающих смысл предложения [Белошапкина В.А. Минимальные структурные схемы русского предложения // Русский язык за рубежом. – № 5. – 1978. – С. 55 – 59; Расширенные структурные схемы русского предложения // Русский язык за рубежом. – № 5. – 1979. – С. 63 – 68], то есть с включёнными в их состав необходимыми элементами (эти схемы составляют номинативный минимум предложения).

Одновременно с отмеченным подходом к пониманию структурной схемы простого предложения формировалось учение об этом синтаксическом феномене как субъектно-предикатном построении, которое составляет основу второго направления в изучении структурной схемы в отечественном синтаксисе. Данное направление восходит не только к работам Н.Д. Арутюновой, Г.А. Золотовой и др., но и к ранним исследованиям, связанным с именами И.И. Давыдова, А.А. Потемни, А.А. Шахматова и др. Развиваемая этими учёными идея о номинативном (информативном) минимуме структурной схемы простого предложения с учётом антропоцентрического характера языка, связи языка и мышления позволяет акцентировать внимание не только на формальной организации предложения, но и учитывать её семантическую организацию [Арутюнова, Н.Д. О номинативном аспекте предложения // Вопросы языкознания. – 1971. – № 6. – С. 63 – 73; Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 2010]. Г.А. Золотова в своих работах выделяет конкретную структурную схему производит с учётом изоморфизма структуры мысли и структуры ситуации, указывает на то, что структура предложения определяется взаимодействием двух планов, в одном из которых получает отражение связь предложения с объективным миром, в другом – связь его с процессом мышления [Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 2010. – С. 25]: в мыслительном акте субъекту приписывается предикативный признак. Эти компоненты в структуре предложения номинированы словоформами с соответствующим значением, что обуславливает двусоставность схем, поскольку бессубъектность не является характерной чертой русского простого предложения [Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 2010. – С. 118].

Конец XX века ознаменован появлением новой концепции описания синтаксической системы русского языка. Речь идёт о теории синтаксических концептов [Г.А. Волохина, З.Д. Попова Синтаксические концепты русского простого предложения / – Воронеж, 1999; Попова З.Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов. – Воронеж, 2009.], разработанной представителями и сторонниками воронежской теоретико-лингвистической школы, создание которой связано с именем З.Д. Поповой, подвергшей анализу существующие синтаксические конструкции через выявление их отношения к концептам как означаемому структурных схем простого предложения.

На синтаксической арене, наряду с термином «структурная схема простого предложения» появились термины «пропозиция», «предикативное отношение» и «позиционная схема высказывания».

Под пропозицией понимается образ номинируемой предложением ситуации, трактуемой как «мысль, выраженная в предложении, то, что в нём обозначается» [Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы языка – М.: Наука, 1976. – С. 24], «смысловой конструкт номинируемой предложением внеязыковой ситуации, осмысленный и классифицированный набор компонентов» [Казарина В.И. Синтаксический концепт «состояние» в современном русском языке (к вопросу о его формировании). – Елец, 2002. – С. 17]. Компонентный состав пропозиции представлен смыслами: «субъект», «предикат», «объект».

Вербализация той или иной пропозиции осуществляется в конкретном высказывании синтаксической конструкцией, именуемой «позиционная схема». Структурная схема показывает компоненты позиционной схемы, «которые говорящий поставил в предикативное отношение» [Попова З.Д. Структурная схема простого предложения и позиционная схема высказывания как разные уровни синтаксического анализа // Словарь. Грамматика. Текст. – М., 1996. – С. 255]. Позиционная схема формируется в процессе речевой реализации структурной схемы и является речевым знаком, поэтому она представляет собой речевой знак, означаемым которого является пропозиция высказывания, а означающим – словоформы, образующие позиционную схему, то есть «образована последовательностью словоформ данного конкретного высказывания» [Там же: С. 259]. Позиционная и структурная схемы сопоставляются как общее и частное: структурные схемы входят в конкретную позиционную схему, содержащую словоформы, представляющие дополнительные смыслы 'время', 'место', 'причина', 'условие'.

Как подчёркивает З.Д. Попова, выбор той или иной структурной схемы как маркера конкретного концепта «позволяет выразить разные модальности предикативного отношения, обозначить положение в нём лица и его разные временные соотношения с моментом речи» [Там же: С. 256]. Разделяя точку зрения учёного, В.И. Казарина в своих исследованиях [Казарина В.И. Синтаксический концепт «состояние» в современном русском языке (к вопросу о его формировании). – Елец, 2002; Казарина В.И. Современный русский синтаксис. Структурная организация простого предложения. – Елец, 2007] подчёркивает, что в выделении схем определяющей является позиция субъектно-предикатного представления (предикативные отношения). Эти отношения имеют место быть в типовой пропозиции, они определяют компонентный состав определённой пропозиции и, соответственно, компонентный состав структурной схемы, компоненты которой являются знаками компонентов данной пропозиции. Предикативные отношения многообразны, их так же много, как и типов отношений в реальном мире. Структурная схема как знак предикативного отношения «обязана обеспечить» наличие синтаксических мест словоформам, представляющим знаки компонентов пропозиции: субъектив и пре-

дикатив, последний – со своими синтаксическими местами, определяемыми лексическим значением предикатива, его валентностным потенциалом [Казарина В.И. Современный русский синтаксис. Структурная организация простого предложения. – Елец, 2007. – С. 81].

Во второй главе **«Реализация признаков концепта «Контакт» структурой высказывания в русском языке»** рассматривается ситуация физического (тактильного, телесного, осязательного) контакта и роль перцепции в формировании соотносительного концепта, вычленены специфические признаки концепта «Контакт», определено их влияние на формирование высказываний в русском языке.

Интерпретирующие функции человеческого сознания и особенности протекания мыслительных процессов подтверждают взаимосвязь языка и мышления. Как известно, основой всех знаний человека является онтологический реальный мир. Одним из способов познания является категоризация окружающего мира, зависящая от опыта носителя языка, являющаяся основополагающей в понимании познавательной деятельности человека и осуществляющаяся посредством языка как конструкта человеческой личности при использовании процессов классификации и типизации окружающих предметов. Категоризация всей поступающей из разных источников информации даёт возможность организовать то, что человек познал при чувственном восприятии. Именно понятие концепта позволяет определить как категоризация, а также концептуализация отражают речемыслительную деятельность человека, что даёт понять то, как человек воспринимает окружающий мир, как творит этот мир, что выделяет в той или иной ситуации. Структурирование окружающей действительности происходит при помощи языка и реализуется при отражении в сознании составных частей объективного мира и представлении их при помощи концептов. В структуре концептов выделяют набор обобщённых признаков, способствующих познанию того или иного предмета окружающего мира. Выделение признаков того или иного концепта, таким образом всецело опирается на восприятие реальности носителем языка, сопоставление гносеологической природы концепта с онтологической природой соотносительного действия.

Под концептом «Контакт» понимаем смысловой конструкт, образ типовой ситуации «воздействие агенса на объект при физическом контакте», имеющего многокомпонентную и многослойную структуру, обнаруживаемую через анализ языковых средств её представления. Специфические признаки концепта «Контакт» оказывают влияние на формирование структурной схемы, ядра предложения, и на формирование компонентов позиционной схемы, не входящих в структурную схему.

Признаки концепта «Контакт» рассматриваем в полевой модели, разделяем их на базовые и небазовые (центр, периферия: ближняя и дальняя).

Наличие базовых признаков концепта «Контакт»: ‘агентивность’, ‘целенаправленность’, ‘контролируемость’, ‘активность’, ‘направленность на объект’, формирующих *ядерную часть поля признаков концепта «Контакт»*, – определяется активным, целенаправленным, контролируемым, динамичным дей-

ствием, сопряжённым с контактом некоторого лица или предмета с другим лицом или предметом, переданным в реальной или предполагаемой ситуации, что подтверждается онтологической природой ситуации физического контакта и лексическим значением, семной структурой предикатива (акциональные глаголы с семой 'контакт').

Выборка фактического материала, вербализующего концепт «Контакт», позволила вычленивть 18 структурных схем, означаемым которых является типовая пропозиция «контакт», смысловое наполнение которых и позволило актуализировать присущие концепту базовые (основные, концептуальные) признаки. Ряд схем представлен как основной своей разновидностью, так и её вариантами, под которыми мы понимаем структурную схему, отличающуюся от основной (доминантной) схемы наличием объектной словоформы, появление которой обусловлено семным составом предикативного компонента, определившим его валентный потенциал, сочетательные возможности. Кроме того, выделяем также и вариации структурной схемы как результат её функционирования в речи (модификации). Структурно-семантический подход к выделенным схемам показал их функциональную неоднозначность, что позволило нам дифференцировать их на схемы специализированные, предназначенные только для репрезентации данного концепта [Казарина В.И. Синтаксический концепт «состояние» в современном русском языке (к вопросу о его формировании). – Елец, 2002. – С. 55], и неспециализированные для вербализации концепта «Контакт», являющиеся также маркёрами других концептов, что свидетельствует о взаимодействии концепта «Контакт» с другими концептами русской языковой картины мира.

Специализированными маркёрами концепта «Контакт» являются схемы *«кто/что трогает кого/что чем»* и *«кто/что касается кого/чего чем»*. Другие схемы, в означаемом которых присутствует сема 'контакт', являются специализированными знаками других концептов, соотносящихся с концептом «Контакт: *«кто/что бьёт кого/что чем»*, *«кто/что бьётся об кого/что чем»*, *«кто ведёт по кому/чему чем»*, *«кто/что царапает кого/что чем»* и *«кто царапается чем»*, *«кто/что давит кого/что чем»* и *«кто прижимается к кому/чему чем»*, *«кто/что двигает кого/что чем»*, *«кто разделяет кого/что чем»*, *«кто очищает кого/что чем»* и *«кто очищается чем»*, *«кто погружает что во что»*, *«кто/что обдаёт что чем»*, *«кто соединяет что с чем»*, *«кто влипает во что»*, *«кто/что в каком состоянии как следствие физического воздействия»*.

Структурообразующими компонентами выделенных нами схем выступают возвратные и невозвратные глагольные предикативы, усечённые глагольные формы, несвободные, лексикализованные словосочетания, причастные предикативы, дифференцированные на различные группы с учетом места семы 'контакт' в содержательной структуре предикативов, что представлено в **Приложении** данного диссертационного сочинения. Продемонстрируем подобную дифференциацию на примере глагольных предикативов, формирующих струк-

турную схему «*кто/что трогает кого/что чем*» как знак концепта «Контакт», зафиксированную в 43,54 % высказываний общей выборки:

1. Предикативы собственно контакта: *перебирать* (15), *пробовать* (17), *трогать* (74), *щупать* (57).

2. Предикативы отношения к кому-либо, выражение которого предполагает контакт: *лобзать* (5), *лапать* (3), *обвивать* (13), *обнимать* (171), *целовать* (234), *чмокнуть* (3).

3. Предикативы контакта, наступающего в момент схватывания: *взять* и *брать* (573), *вырвать* (14), *держать* (196), *достать* (4), *зацепить* (9), *клевать* (2), *поймать* и *ловить* (32), *тянуть* (1), *хватать* (363), *цапать* (3).

4. Предикативы контакта, совершающегося при движении (столкновении): *встречать* (7), *задевать* (29), *зацепить* (10), *наскакивать* (1).

5. Предикативы контакта, совершающегося при перемещении по поверхности объекта: *гладить* (89), *лизать* (38), *програть* (1), *расправить* (3), *скрести* (2), *чесать* (53), *шарить* (36), *щекотать* (17).

6. Предикативы повреждения тела живого существа, осуществляемого при контакте с последним: *колоть* (12).

7. Предикативы кругового покрытия объекта, осуществляемого при контакте с последним: *обвивать* (8), *обхватывать* (26).

8. Предикативы, обозначающие физиологическое действие (кормление, потребление жидкости), сопровождаемое контактом: *сосать* (14)¹.

Нерегулярно в качестве структурообразующего компонента указанной структурной схемы, по нашим данным, используются усечённые глагольные формы (13): *тяп*, *хап*, *хват*, *цап*, *чмок*: *Нагинаюсь я к этой бумажке, чтоб поднять её, а она (Леканида Петровна) вдруг сама, как ястреб, на неё бросается. «Не троньте!» – говорит, и хап её в руку (Лесков. Воительница) и лексикализованные словосочетания (8): *брать (заключат) в объятия*, *запечатлеть (напечатлеть) поцелуй*; *отвечать лобзанием*; *сыпать поцелуи*; *стирать поцелуями (что): Он (Александр) поцелуй на грудь напечатлел / И стан её обвил рукой дрожащей (Лермонтов. Сашка).**

Физический (тактильный, телесный, осязательный) контакт осуществляет мыслящее, активное лицо (агенса), что обуславливает наличие указанных базовых признаков, определяющих наличие в содержательной структуре высказывания личных номинантов: *Дубровский воротился и снова взял её (Марья Кирилловны) руку (Пушкин. Дубровский).*

Однако наряду с личными именами нами выделены лексикограмматические группы имён живых существ и неживых предметов, что не позволяет говорить в полной мере о наличии таких признаков концепта «Контакт» как ‘целенаправленность’ и ‘контролируемость действия’. На наш взгляд, через наименования частей тела (например, *рука*, *уста* и др.) представ-

¹В скобках указано количество примеров использования глагольных предикативов, включая видовые пары и всевозможные дериваты, в текстах художественной литературы (см. подробнее: Приложение. Таблица 1.1).

лен метонимический производитель действия (действие осуществляет человек): *Бледные руки хватают песок; / Шепчут уста непонятный упрёк...* (Лермонтов. Морская царевна). Через наименования несуществующих существ, приравняемых к человеку (*бес, демон, русалка, скелет; марсианин* и др.), показан агенс, способный совершать действие-контакт: *На верху горы стоит Архангел, / Снопик молний в белой ручке держит* (Горький. Девушка и смерть) или *Марсианин всмотрелся, сморщившись, – понял, радостно закивал и ногтем мизинца отчеркнул одну из точек на чертеже.* (Толстой А.Н. Аэли-та).

Субъективы, представленные лексемами, называющими живые существа (животные, птицы, пресмыкающиеся, рыбы, насекомые) оказывают воздействие на объект, сопряжённое с контактом с последним, обоснованное их поведенческими реакциями (а не целевой установкой): *Молодая овечка встала, почесалась ножкой и опять легла* (Пришвин. Чёрный араб); *<...>Да коршун хохлатый, степной нелюдим, / Добычу терзает и щиплет над ним* (Лермонтов. Три пальмы); *Влетел в открытое окно шершень, гудел, жендел, бился о потолок, пока не спустился побитый пониже и вылетел в окно* (Пришвин. Незабудки).

Реже позиция субъекта представлена лексемами, обозначающими движение потока воздуха или воды в горизонтальном направлении, распространение звука (действие физических сил), атмосферные осадки: *Всю ночь со взморья ветер бил прямо в окно, стёкла звенели, вода в Неве подымалась.* (Замятин. Наводнение); *В корму баркаса били волны, Мальва то поднималась над морем, то опускалась так низко, что голые ноги почти касались воды* (Горький. Мальва); *Но дрогнул он – внезапный звук / Его коснулся – боязливо / Он шею вытянул и вдруг / С вершины прынул...* (Пушкин. «Шумит кустарник... На утёс...»); *Снег бил в окна и клочьями прилипал к стёклам* (Гончаров. Обыкновенная история); номинантами растений и их частей (*ветви, сучья* и др.): *Ветка лиственницы сдёрнула шапку с головы Алёшки, но тому некогда было подымать её; Макар уже настигал его с яростным криком* (Короленко. Сон Макара) или собственно предметными именами: *Ночью – должно быть, уже под утро, – дверь раскрылась, с размаху грохнула в бочку, и Софья выбежала на улицу* (Замятин. Наводнение), что свидетельствует о случайном характере реализации физического контакта².

Признавая ведущую роль личного глагола в структуре предложения, исследователи отмечают, что количество и форма актантов задаётся семантикой глагола [см. об этом: Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л., 1972. – С. 47; 88; Шарандин А.Л. Глагол в истории отечественного языкознания: к вопросу о месте глагола в системе частей речи русского языка: монография. – Тамбов, 2003].

Действие-контакт направлено на некоторый объект (лицо или предмет), испытывающий физическое воздействие, который номинируется лексемами в

² Данная тенденция прослеживается при анализе всех выделенных структурных схем.

форме винительного и родительного падежей различных лексико-семантических групп (без предлогов): *Её свежее дыхание касалось моего лица; иногда локон, отделившийся в вихре вальса от своих товарищей, скользил по щеке моей...* (Лермонтов. Герой нашего времени); *Катя в полудремоте целый день прижимала к уху трубку рации* (Казакевич. Звезда). Наличие предлогов определяется валентным потенциалом предикатива, его семным составом и свидетельствует о наличии вариантов отмеченных схем. Например, вариант «*кто/что касается до чего*» доминантной схемы «*кто/что касается кого/чего*»: *Когда ноги невинной жертвы коснулись до земли, когда грудь её вздохнула свободно, то казак повторил прежние вопросы...* (Лермонтов. «<Вадим>»). Единственная основная разновидность схемы, для которой объект представлен формой дательного падежа с предлогом (основная разновидность схемы, а не вариант) является схема «*кто/что ведёт по кому/чему чем*»: *А он на меня смотрит и тихо по мне руками водит, а сам продолжает в том же намерении уговаривать* (Лесков. Очарованный странник).

Выделенные нами предикативы изображают ситуацию физического воздействия субъекта на объект, осуществляющуюся с применением некоторого инструмента, объективируемого лексемами в форме творительного падежа: *Он (паук) всеми своими ножками обнимал брюшко бабочки и высасывал её* (Пришвин. Незабудки). Однако базовый признак ‘орудийность’ в высказываниях представлен выборочно, позиция орудия или инструмента чаще остаётся нематериализованной или даже излишней.

Отмечаем, что в нашей работе нами выделена структурная схема простого предложения «*кто влипает во что*», которая не маркирует базовые признаки концепта «Контакт» ‘целенаправленность’, ‘активность’, ‘динамичность’, ‘контролируемость’: *Мужичок с ноготок перебрался к носу и так и влип там в черную смолу* (Пришвин М.М. За волшебным колобком).

Небазовые признаки выявляются также онтологической природой любого действия: всё имеющее место быть в окружающем мире, в том числе и физический контакт, протекает в пространстве и во времени. Данные категории выступают объективными характеристиками бытия, что обуславливает наличие у ситуации контакта отмеченных характеристик. В самом общем виде конкретный совершаемый процесс или явление детерминированы причинно-следственными связями, поэтому ситуация физического контакта каузативная, совершается при определённых условиях и т.д.

Небазовые признаки размещаются на периферии поля концептуальных признаков контакта и предопределяют грамматические и фазовые модификации (‘темпоральность’), обосновывают наличие структурно-семантических компонентов (синтаксем), не входящих в структурную схему, но имеющих синтаксическое место в позиционной схеме высказывания (‘темпоральность’, ‘локализованность’, ‘адресованность’, ‘каузативность’, ‘условие’). Эти небазовые признаки составляют ближнюю периферию признаков концепта «Контакт».

Действие может адресоваться кому-либо, поэтому ситуация касания может содержать позицию адресата, фиксирующего некоторое лицо, к которому направлено действие и свидетельствует о наличии небазового признака концепта «Контакт» ‘адресованность’, определяющего наличие лексем, представляющих человека-адресата в форме дательного падежа: *Он (Томский) вспомнил, что от старой графини таили смерть её ровесниц, и закусил себе губу* (Пушкин. Пиковая дама).

Физический контакт, как и любое явление, происходящее в окружающем мире, характеризуется протяжённостью во времени, последовательной сменой этапов развития, отчётливой стадийностью тех или иных процессов.

Концептуальный признак ‘темпоральность’ обосновывает грамматические модификации отмеченной схемы и поясняет наличие структурно-семантической модификации выделенных схем, связанных с появлением в позиционной схеме высказывания фазовых компонентов, объективирующих тот или иной момент (фазу, стадию): *Одна рука его (Данилы) **придерживает** поношенную шапочку, другая спрятана в дупле старой липы* (Чехов. День за городом); *Он пел, что выпил пять возов дров и что старуха **будет** его **колотить*** (Короленко. Сон Макара); *Трофим Иванович отвернулся к стене и **стал водить** по ней пальцем* (Замятин. Наводнение).

Этот же признак аргументирует наличие в позиционных схемах высказываний временных конструкций со следующими значениями:

1) предшествования действия-контакта относительно других действий: *В начале пятого часа Захар осторожно, без шума, отпер переднюю и на цыпочках пробрался в свою комнату; там он подошёл к двери барского кабинета и **сначала приложил** к ней ухо, потом присел и приставил к замочной скважине глаз* (Гончаров. Обломов);

2) совершения действия-контакта после осуществления другого действия: ***Потом** слуха Миши **коснулся** непонятный дробный стук... точно где-то упало несколько капель дождя...* (Горький. Тюрма);

3) одновременности нескольких совершающихся действий, сопровождающихся контактом: ***Пока он снимал**, в спину ему что-то больно **ударилось*** (Горький. Горемыка Павел).

4) конкретного времени действия, сопряжённого с контактом: ***Поутру** мы с ним встали, поставили опару, **умылись** и сели на ларе пить чай* (Горький. Коновалов).

Признак ‘локализованность’ определяет наличие в позиционных схемах высказываний предложно-падежных конструкций и наречий со значением места: ***Я там, у подножья аула,** / Тебе шелковицы **нарву,** / А лошадь и бурого мила / Мы пустим в густую траву* (Толстой А.К. «Как здесь хорошо и приятно...»).

Концепту «Контакт» присущи признаки ‘каузативность’ и ‘условие’, поскольку любое действие является каузируемым и происходит при определённых условиях. Признак ‘условие’ маркируется придаточными условия (*если, коли*): – *Ухватил бы я, **коли б можно было**...* (Чехов. Налим). Признак

‘каузативность’ обуславливает наличие предложно-падежной формы со значением причины или соответствующего типа придаточного: *Из сожаления он взял было старуху за ноги, чтобы помочь догору³, но едва сделал два-три шага, как должен был быстро выпустить старухины ноги, чтоб они не остались у него в руках* (Короленко. Сон Макара); *Хозяин выволок меня за волосы на двор и отчесал меня шпандырем за то, что я качал ихнего ребятынка в люльке и по нечаянности заснул* (Чехов. Ванька).

Небазовые признаки, определяющие наличие синтаксем, не имеющих синтаксического места в структурной и позиционной схемах (‘способ’ и ‘интенсивность действия’): – *Оружие, сволочи, как бабы, держат*, – проворчал он (Толстой А.Н. Аэлита); *Рюрик тихонько пальцем тронул Курьмушку, а тот ткнул его в бок кулаком* (Пришвин. Кашеева цепь) и обосновывающие наличие модальных модификаторов (‘оптативность’, ‘необходимость’, ‘возможность’) локализуются в зоне дальней периферии признаков концепта «Контакт».

Физический контакт может быть мотивирован собственным желанием субъекта-агенса, что предопределяет модификации структурных схем, вносящих значение желания в содержательную структуру высказывания (признак ‘оптативность’): *Я б порезал розы эти, Ведь одна отрада мне – / Чтобы не было на свете / Лучшие милой Шаганэ* (Есенин. «Ты сказала, что Саади...»). Данный признак также маркируется модальными модификаторами со значением ‘намерение, желание’ (*хотеть, желать* и др.): – *Да, когда ты хотел обниматься* (Гончаров. Обыкновенная история).

В определённых ситуациях воздействие, сопряжённое с контактом, является необходимым, что определяет наличие признака ‘необходимость’, обуславливающего наличие модальных модификаторов со значением вынужденности действия: *Во второй урок она должна была прыгать на задних лапах и хватать сахар, который высоко над её головой держал учитель* (Чехов. Каштанка).

Внеязыковая действительность указывает на осуществление действия при необходимых способностях агенса (признак ‘возможность’), что объясняет наличие модального модификатора с семой ‘возможность, способность совершить действие’: *Уж я не мальчик – уж над губой / Могу свой ус я зацципнуть <...>* (Пушкин. Паж, или Пятнадцатый год).

При трансформации активной синтаксической конструкции в пассивную, включающую в свой состав краткие страдательные причастия, объективирующие состояние агенса как результат совершения контакта, переводение словоформы со значением объекта в позицию агенса, а словоформы со значением производителя действия – на место объекта обосновывает признаки ‘результативность действия’ и ‘направленность действия на грамматический субъект’. Данные признаки влияют на компонентный состав схемы «кто/что в каком состоянии как следствие физического воздействия». Признаки ‘направленность на грамматический субъект’, ‘результативность’, ‘темпоральность’, ‘ло-

³ Догор – приятель.

кализованность', 'интенсивность' и 'способ действия' являются небазовыми, локализуются на дальней периферии структуры концепта, поскольку пассивная конструкция, производная от активной, не продуктивна по функционированию.

Структурные схемы простого предложения, формируемые краткими страдательными причастиями, по нашим данным, реже подвергаются грамматическим (модификации, представленные связками в форме прошедшего времени) и не подвергаются структурно-семантическим модификациям: *На лавке чуть белеет Пелька, свесила ноги, руки крепко зажаты в коленях* (Замятин. Север); *Он (дедушка) поднял свою руку, в которой был револьвер, приставил револьвер к голове и держал его там, готовясь убиться, а другая его рука была положена на колено* <...> (Платонов. Июльская гроза).

В **Заключении** подводятся итоги проведённого исследования и формулируются основные выводы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

в изданиях, рекомендованных ВАК Российской Федерации:

1. Михайлов А.В. Структурная схема «кто/что в каком состоянии как следствие физического воздействия»: компонентный состав, лексическое наполнение // ФИЛОЛОГОС. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2013. – Выпуск 17 (2). – С. 41 – 46. (0,4 печ.л.)

2. Михайлов А.В. Несвободное словосочетание в позиции структурообразующего компонента синтаксического знака концепта «касание» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, Издательство «Грамота», 2013. – № 7: в 2-х ч. Ч. I. – С. 130 – 134. (0,6 печ.л.)

3. Михайлов А.В. Особенности представления объектной позиции синтаксических знаков концепта «касание», формируемых возвратными глаголами // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, Издательство «Грамота», 2014. – № 1: в 2-х ч. Ч. I. – С. 99 – 102. (0,5 печ.л.)

в других изданиях:

4. Михайлов А.В. Лексико-семантические разновидности глаголов касания в произведениях М.М. Пришвина // Дискуссионные вопросы современной лингвистики: Сб-к научных трудов; Отв. ред. – д.ф.н. проф. Л.Г. Васильев. – Калуга: Калужский гос. ун-т, 2011. – Вып. 7. – С. 46 – 50. (0,3 печ.л.)

5. Михайлов А.В. Объект касания: его семантика и способы выражения // Грамматика разноструктурных языков: сборник научных статей к юбилею профессора Виктора Юрьевича Копрова. – Воронеж: Изд-во «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2011. – С. 269 – 274. (0,3 печ.л.)

6. Михайлов А.В. Способы выражения субъекта касания в поэзии М.Ю. Лермонтова // Язык как система и деятельность: материалы Всероссийской научной конференции, посвящённой 80-летию со дня рождения профессора А.Н. Тихонова, Елец, 17-18 ноября 2011 г.: в двух частях. Ч. 1; Отв. ре-

дактор В.И. Казарина. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2011. – С. 142 – 151. (0,6 печ.л.)

7. Михайлов А.В. Перцепция и её роль в формировании концепта «касание» // Дискуссионные вопросы современной лингвистики: Сб-к научных трудов; Отв. ред. – д.ф.н. проф. Л.Г. Васильев. – Калуга: Калужский гос. ун-т, 2012. – Вып. 8. – С. 79 – 83. (0,3 печ.л.)

8. Михайлов А.В. Лексическое наполнение и речевая реализация структурной схемы «кто трогает кого/что» (на материале рассказов М. Горького) // Русское слово в контексте этнокультуры XX-XXI вв.: Сборник научных трудов по итогам Международной заочной научной конференции (ноябрь 2011 г.). – Старый Оскол: Изд-во «РОСА», 2012. – С. 305 – 311. (0,4 печ.л.)

9. Михайлов А.В. Специфика отрицательной модификации структурных схем, формируемых глаголами касания // Проблемы русского и общего языкознания: сборник научных трудов. – Вып. 9. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2012. – С. 52 – 59. (0,5 печ.л.)

10. Михайлов А.В. Лексическое наполнение компонентного состава структурных схем предложений с глаголами нанесения удара // Актуальные проблемы лингвистики и гуманитарных наук: сборник статей по материалам международной научно-методической конференции «Актуальные проблемы лингвистики и гуманитарных наук». Москва, 23 марта 2012 г.; науч. ред. Н.Л. Соколова, Е.В. Сафонова. – М.: РУДН, 2012. – С. 72 – 82. (0,6 печ.л.)

11. Михайлов А.В. Функционирование схем с глаголом «касаться» в качестве структурообразующего компонента // Наука, образование, бизнес: проблемы, перспективы, интеграция: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 28 февраля 2013 г. В 4 частях. Часть III. – М.: «АР-Консалт», 2013. – С. 99 – 105. (0,3 печ.л.)

12. Михайлов А.В. Компонентный состав структурных схем предложений с глаголом нанесения удара // Жизнь языка. Жизнь в языке: Материалы Всероссийской научной конференции, посвящённой 85-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Василия Васильевича Щедулина (Липецк, 13 марта 2013 года): сборник научных трудов. – Липецк, ЛГПУ, 2013. – Часть 1. – С. 266 – 273. (0,4 печ.л.)

13. Михайлов А.В. Усечённые глагольные формы как структурообразующие компоненты структурных схем предложения (на примере концепта «касание») // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы десятой международной конференции (Владимир, 24 – 26 сентября 2013 года), посвящённой 60-летию кафедры русского языка. – Владимир: Транзит-ИКС, 2013. – С. 375 – 378. (0,2 печ.л.)